

От автора

Размышляя о русской истории и ее месте в сегодняшней нашей жизни, как не вспомнить слова Александра Сергеевича Пушкина: «Ни за что на свете не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал».

Эти слова великого поэта звучат заветом для всех поколений русских людей, в том числе и для тех, которые на многие десятилетия были отлучены от родной истории. Только с недавнего времени мы стали поворачиваться к ней лицом, и возвращение в нашу жизнь сочинений Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и других исторических писателей тому подтверждение. Надо думать и верить, что это только начало, ибо отечественная история богата еще многими именами литераторов, историков, мыслителей, художников, полководцев и государственных деятелей, как богата она интереснейшими событиями и неизвестными пока еще фактами. Поведать людям об этом - вот задача и долг русского историка.

Что же касается архивных записок, то я думаю, что каждый человек в своей жизни соприкасается с архивными материалами. Это может происходить в музее, госархиве или в своем личном, домашнем, где хранятся старые письма, фотографии, грамоты, справки, документы и прочие семейные реликвии.

Если же у человека нет и личного архива, то с ним всегда архив его памяти. И документ, и память смогут перенести каждого из нас в другое время, в котором жили и творили наши предки. Любой архивный документ в первую очередь является свидетелем прошлого, а известно, что без знания прошлого невозможно творить настоящее и думать о будущем, любить ту землю, на которой ты родился и живешь, где будут жить твои дети и внуки.

История России - часть нашей духовной культуры, без которой немислима жизнь народа во все века, а в нынешнее время подъема самосознания русского человека она особенно необходима.

Изучение истории наших предков и передача исторических знаний другим людям - достойное дело истинного сына Отечества.

ТАЙНА СОБОРНОЙ ГОРЫ

Архивные записки

**АЛЕКСАНДР
ГРЯЗЕВ**

Александр Алексеевич Грязев родился в 1937 году. Окончил Московский историко-архивный институт и Высшие театральные курсы (драматургия) при ГИТИСе. Автор нескольких книг прозы и пьес. Член Союза писателей России. Живет в Вологде.

СТРОПТИВЫЕ КАДНИКОВЦЫ

Владелица престола Российской императрица Екатерина Вторая для лучшего управления своими подданными решила провести большую реформу.

Для сего великого дела под ее руководством был разработан и ею утвержден законодательный акт «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи».

Указ императрицы был длинен: первые двадцать восемь глав его она утвердила 7 ноября 1775 года, а последние три главы - 4 января 1780 года. Но в то же время указ был и короток: многим российским селам и посадам приказано быть городами.

В том же 1780 году, января 25 дня, дан был Сенату именной ее величе-

ства указ «Об учреждении Вологодской губернии и о переименовании некоторых селений городами».

Сим указом учреждалось обширное Вологодское наместничество из трех провинций или областей: Вологодской, Великоустюгской и Архангельской. Приказывалось «все сии области составить из следующих городов и их уездами, а именно: к Вологодской принадлежать будут 5 городов: Вологда, Тотьма, Вельск, Грязовец и Кадников... Вследствие чего все те селения, в коих городам быть назначено, переименовать городами и все города учредить...»

Одним из новых городов под Вологодой учреждался Кадников. В ту пору стояли на том месте, как говорят исторические источники, две деревеньки: Борисово и Кадниково. Борисово сгорело, а деревне Кадниково и надлежало по высочайшему указу императрицы стать городом.

Как и положено в таких случаях, направлен был из губернской Вологды в новый город свой городничий, построена тюрьма и присутственные места для чиновного люда. Даже свой воинский гарнизон образовался из двадцати трех солдат с гарнизонным начальником.

Тем же указом утверждался и герб города, на котором изображена была «кадка, наполненная смолою, в серебряном поле, означающая имя сего города; а наполнена смолою для того, что жители сего города и всего уезда оно производят знатный торг».

Словом, все было в городе Кадникове. Не было только самого главного - городских жителей.

А случилось вот что.

Крестьяне деревни Кадниково и близлежащих деревень давно знали по слухам, что на их месте жительства учреждается город: не зря строили в деревне присутственные места и острожную избу. Знали, с тревогой ждали этого события и боялись.

Как исконные земледельцы, они хотели жить по своей воле и боялись, что их оторвут от земли и заставят заниматься непривычными для них городскими делами.

Поэтому, когда городничий Кехлер собрал через старост всех жителей на мирской сход и зачитал указ императрицы, толпа кадниковских крестьян ответила ему долгим молчанием. А когда городничий объявил, что в городе надлежит быть магистрату, а в него надо выбирать бургомистров и ратманов, то мужики и вовсе духом упали. Городничий - сам немец и слова какие-то немецкие говорит, совсем непривычные для русского деревенского слуха.

Но стоило Кехлеру предложить собравшимся заходить в казенный дом и записываться в городских жителей, как мужики в толпе вдруг зароптали.

Из толпы послышались крики:

- Не надо там ничего!
- Хотим жить по старине!
- На земле хотим жить!
- Как деды и прадеды!
- Мещанами быть не хотим!

Как ни увещевал собравшихся городничий, а кадниковцы не желали становиться горожанами и записываться в мещанство. Народ с городской площади стал расходиться, и вскоре на высоком крыльце дома присутственных мест остался один городничий Кехлер с немногими чиновниками.

Это был явный беспорядок. А поскольку тем же законом о губерниях в отдельной статье «О городничем...» ему предписывалось «отправлять должность свою с непоколебимою верностью к службе императорского величества, с доброхотством и человеколюбием, с осторожною кротостью, без ослабления во всех делах и с непрестанным бдением, дабы установленный порядок всеми и каждым в городе сохранен был в целости», то на другой день в наместническое правление полетел рапорт, в котором городничий подробно рассказал о случившемся в его городе неповиновении кадниковцев.

В свою очередь, и крестьяне свой мирской приговор в совестный суд подали, а тот рапортовал в Вологду, «что по неимению в городе Кадникове купечества, совестного суда судье, равно же и мещанам к выбору и бал-

лотированию приступить не можно; что же касается до записи вновь определенного мещанства в купечество, то по неимению в Кадникове и в прочих селениях капитальных и прожиточных людей, в купечество к записке охочих не оказалось; сверх же того, если у них повелено будет отрешить хлебопашество, то и мещанской должности по недостатку их имущества нести они будут не в состоянии...»

Дело о неповиновении кадниковцев указу императрицы тянулось долго и разбиралось на специальном заседании Вологодского наместнического правления 10 июня 1781 года.

Решением правления прежние указы подтверждались и предписывались к неперемennomу исполнению. Тем же решением в город Кадников направлен был председатель губернского магистрата князь Урусов с тем, чтобы он «по прибытии в Кадников, собрав всех записывающихся в купечество и мещанство обывателей обще с тамошним городничим, вразумил их, что учреждение магистрата есть такое благо, которым ее императорское величество соизволяет утвердить на всегдашнюю их пользу, что соображаясь сему высочайшему соизволению предписанное число членов во присутствии его выбрали немедленно... Если же паче чаяния (чего однако-ж правление никак не ожидает) и за сим окажутся они неисполненными, то объявить им, что за столь дерзновенный их поступок, не соответствующий монаршему соизволению, приведены они будут к повиновению строгостью закона».

12 июня 1781 года князь Урусов был уже в Кадникове и сразу же приступил к исполнению порученного ему дела, где уговорами и посулами, а где и «задерживанием под стражею». В своем докладе наместническому правлению князь сообщал, что «крестьяне Кадникова и приписанных к нему с. Среднего погоста, Борисовского, Заречья, Фаломеева, Исаковского, Чурилова, Лысьей Горы, Даниловского..., раскаясь в прежнем своем ослушании, пришли в повиновение и объявили свое желание быть в кад-

никовском мещанстве».

Прошли выборы и в городской магистрат, бургомистрами которого стали Иван Григорьев и Иван Иванов, а ратманами бывшие судьи совестного суда Иван Сидоров, Иван Иванов да Сергей Борисов и Яков Егоров.

Победой кадниковцев в этом деле можно считать оставление за ними общинной пахотной земли и выгонов.

Но все же не все кадниковцы поддались на уговоры губернского и местного начальства. Так, в селе Степановском записался в мещане один лишь староста. «Прочие с. Степановского и д. Тенкова, - пишет в своем рапорте князь Урусов, - по многим моим увещеваниям и задерживанием под стражею от прежнего своего ослушания не отвратились, а явились и ныне ослушными с тем объявлением, что они недовольны, и к выбору судей не приступают, и в мещанах быть не соглашаются».

УБЕЖИЩЕ МОСКВЫ

В первой половине сентября 1812 года в Вологду пришло известие о вступлении французских войск в Москву. К этому времени город был уже заполнен тысячами беженцев из разных губерний России.

Будущий декабрист Дмитрий Завалишин в своих воспоминаниях так писал о пребывании в Вологде в 1812 году (ему было тогда около десяти лет): «Вологду мы нашли набитую уже битком приезжими, удалившимися из губерний, ближайших к Москве и Петербургу... Живо помню и до сих пор глубоко поражавшие меня сцены у церкви Спаса Обыденного... Помню очень хорошо, что всегда не только сама церковь, но и вся площадь перед нею бывали сплошь набиты народом, и там, при совершении ежедневного молебствия об избавлении от врагов, вид коленопреклоненного, оглашающего площадь рыданиями народа производил на меня потрясающее, никогда не изгладимое впечатление.

Общее отчаяние после взятия Москвы было тем сильнее, что никому уже

не доверяли: везде видели несомненные доказательства измены, приводя даже слова, будто бы сказанные самим Бонапартом, что у русских стены (народ) крепки, да столбы (вожди) слабы...»

Из московских знаменитостей в Вологде переживали военную грозу поэты князь П.А. Вяземский, Ю.А. Нелединский-Мелецкий, профессор Московского университета Христиан Шлецер и знаменитый врач Рихтер.

П.А. Вяземский вел из Вологды обширную переписку, и по ней мы можем сейчас представить себе жизнь Вологды того времени.

К.Н. Батюшков писал Вяземскому в свой родной город из Нижнего Новгорода, куда привез из Москвы свою тетюшку Екатерину Федоровну Муравьеву: «Я обрадовался твоему письму, как самому тебе. От Карамзиных узнал, что ты поехал в Вологду... Познакомься с моим зятем и полюби его: он добрый человек и меня любит, как брата».

Речь здесь идет о Павле Алексеевиче Шишилове, который был женат на сестре Батюшкова Елизавете Николаевне.

«Мы скоро познакомились и сблизились с ним и сестрами Батюшкова», - вспоминал потом Вяземский, который так объяснял свой приезд в Вологду: «Выбор мой пал на этот город потому, что в Вологду ехал наш знаменитый московский врач и акушер Рихтер. Жена моя была беременна первым своим ребенком и вскоре должна была родить. В ожидании родов ее Рихтер просиживал у нас целые часы и в комнате перед спальней ее писал известное свое сочинение о медицине в России («История медицины в России»)».

О том, что первый сын П.А. Вяземского родился в Вологде, мы узнаем из письма к нему известного русского историка и писателя Н.М. Карамзина от 16 октября 1812 года:

«Любезнейший князь и княгиня! От глубины сердца радуюсь и поздравляю вас с рождением любезного сына... Вот новый источник сладчайших удовольствий здешней жизни.

Рождение вашего Андрюшки останется навсегда памятным... Дай бог, чтобы родильница и рожденный были совершенно здоровы и чтобы Вологда впоследствии времени не напоминала вам ничего, кроме приятного!..»

В те годы жили в Вологде и свои знаменитости. Так архиепископом Вологодским был в то время известный писатель, автор «Словаря русских писателей», философ и историк, друг Державина Евгений Болховитинов. Это ему посвятил Гаврила Романович свое знаменитое стихотворение «Евгению. Жизнь звонская».

Губернским прокурором служил тогда в Вологде известный поэт и переводчик, издававший в свое время в Петербурге журнал «Любитель словесности», Николай Федорович Остолопов. Он был также дружен с Державиным, которому посвятил еще в 1803 году написанную и изданную в Петербурге повесть «Евгения, или Нынешнее воспитание».

В интересных беседах с ними часто и проводил время Вяземский. Вспоминая их, Петр Андреевич рассказывал, как однажды он прочитал Остолопову письмо своего друга А.И. Тургенева, в котором было какое-то «счастливое и пророческое выражение». Вологодский поэт сразу же написал свое стихотворение, закончив его так: *Нам зарево Москвы
Осветит путь к Парижу.*

«Таким образом, - писал Вяземский, - в нашем вологодском захолустье выведен был ясно и непогрешительно вопрос, который в то время мог казаться еще весьма сомнительным и в глазах отважнейших полководцев, и в глазах дальновидных политиков. Недаром говорят, что поэт есть вещей. Мог ли Наполеон вообразить, что он имел в Остолопове своего злого вещего и что отречение, подписанное им в Фонтенбло в 1814 году, было еще в 1812 году дело уже predeterminedное губернским прокурором в Вологде».

Осенью 1812 года в Вологду начали прибывать и пленные французы. «В прогулках моих по Вологде, - вспоминает Вяземский, - встречал я час-

то пленных французов в самом жалком и бедственном виде. Зима была жестокая, а одежда и обувь их были совершенно летние. Сострадая к их положению, я открыл подписку для сбора некоторой суммы денег на покупку им тулупов, теплых рукавиц, валенок и проч... Я очень был рад тому, что русские штыки, русские пушки и русские морозы истребляют на русской земле вооруженных французов. Но, следуя русской поговорке, так хорошо выражающей русское чувство: «лежащего не бьют», я не видел патриотической потребности и обязанности добивать и домаривать обезоруженных французов, находившихся в плену под крепким караулом. Несчастливым была оказана посильная помощь. Вследствие того и познакомился я с некоторыми французскими офицерами, приходившими ко мне с выражением своей признательности».

Об этом же пишет и вологодский историк Фортунатов: «В Вологду в то время приходила почта раз в неделю. С лихорадочным нетерпением ожидали все получения газет и вестей из Петербурга. Покойный отец мой рассказывал, что каждый почтовый день стояла куча народа около лавки купца Коровникова, получавшего газеты. В числе слушателей были и пленные французы, кочневшие от русского мороза. Отцу моему, возвращавшемуся из гимназии мимо этой лавки, не раз приходилось переводить для французов газетные известия о бегстве Наполеона из России».

Но Вологда в 1812 году была не только убежищем для людей. Сюда тогда же, как сообщает тот же Ф. Фортунатов, «привезена была из Москвы святыня: патриаршая, соборная, Троицко-Лаврская и некоторых других монастырей ризницы с патриаршей библиотекой, делами московской консистории и синодальной конторы».

Все эти московские ценности были помещены в одной из церквей Спасо-Прилуцкого монастыря и хранились там «в течение с лишком двух месяцев, с 3 октября до 12 декабря».

Об этом еще в 60-х годах прошлого века напоминали некоторые детали.

Так, однажды во время ремонта келий, где жили «лица, доставившие в Прилуцкий монастырь Московскую святыню», были найдены стихи, написанные карандашом на оконном косяке. Их автор - угрешский игумен Павел писал:

*В то время, в грозную для церкви
ту годину,*

*Как новый Юлиан в надменности
своей,
Безбожною рукой коснулся алтарей,
(Разбойник, взяв царя подложную
личину).*

*Как сорван крест Христов
с Ивановской главы,
Как града жители от буйств
врага страдали,
(Их крыло рубище - тирана
вечный стыд).*

*В то время в сих стенах спокойно
пребывали*

*Игумен и архимандрит.
Один - монастыря угрешского
Николы,
Другой святителя, что в Греции
глаголы*

*В железные сердца златые изливал,
И Златоустом свет которого*

*О, адских замыслов коварный
исполнитель!
Прерви змеиный тон парижанин
Лессенс.*

*Нас гласом матерним Москва
к себе зовет,*

*Прости, священная обитель!
Как ты покоила, как ты
хранила нас,*

*Так да покоит Бог тебя
на всякий час.*

Еще одно свидетельство этой истории находилось на крыше келий, где стояли три урны с цветами, а «в средней из них изображение всевидящего ока среди цветов с подписью «1812 год», а под годом двустипшие:

*Безбедно Бог меня в сей лютый год
хранил,
Москве рассеянной убежищем
я был».*

СОЛВЫЧЕГОДСКИЙ ЛЕВША

Вот уже более сотни лет на Руси Левшой зовут всякого, кто в ремесле

своим выделяется особо тонкой и хитроумной работой, кто способен удивлять людей и творить зримое чудо. А повелось так с того времени, когда русский писатель Николай Семенович Лесков сочинил «Сказ о тульском Левше и о стальной блохе».

Опубликовав впервые свой «Сказ» в октябрьском номере журнала «Русь» за 1881 год, Лесков объяснил его появление некой легендой, будто бы услышанной им самим на одном из оружейных заводов. Первую публикацию писателя сопроводил подзаголовком - «Цеховая легенда».

Как водится, некоторые тогдашние критики приняли в штыки необычное произведение Лескова и обвинили его в непомерном воспевании «квасного» патриотизма и восхвалении русских умельцев. Создание «Сказа» в статьях критиков сводилось лишь к обычной переделке давно известной легенды.

Дело дошло до того, что писателю пришлось выступать в газете «Новое время» с разъяснением, в котором автор «Левши» писал: «Все, что есть чисто народного в «Сказе о тульском Левше и о стальной блохе», заключается в следующей шутке или прибаутке: «Англичане из стали блоху сделали, а наши туляки ее подковали да им назад отослали». Более ничего нет о блохе, а о Левше как о герое всей истории ее и выразителе русского народа нет никаких народных сказов, и я считаю невозможным, что об нем кто-нибудь «давно слышал», потому что приходится признаться - я весь этот рассказ сочинил в мае прошлого года и Левша есть лицо, мною выдуманное. Что же касается самой подкованной туляками английской блохи, то это совсем не легенда, а коротенькая шутка или прибаутка».

По воспоминаниям же сына писателя, Лесков еще за три года до написания «Сказа» искал тех, кто мог знать «легенду о блохе», но найти таких людей не смог. Писатель побывал летом 1878 года даже в Сестрорецке под Петербургом, где на оружейном заводе жили выходцы из Тулы, но и среди них легенды никто не знал.

«Так к великому огорчению писа-

теля, - вспоминает А.Н. Лесков, - с каким запасом сведений о «легенде» приехал он в оружейный поселок весной, с таким и уехал осенью».

Николай Семенович Лесков был совершенно прав, когда говорил, что толчком к написанию «Сказа» послужила известная ему русская поговорка. В свою же очередь, поговорка сложилась на реальной основе. Ее, этой основы, просто не могло не быть, ибо в любом уголке русской земли и во все времена жили народные умельцы-мастера.

К сожалению, однако, писатель не знал о том, что за сорок лет до его работы над «Сказом» известный русский историк Михаил Петрович Погодин написал об одном из таких мастеров в своем дневнике, опубликованном в восьмом номере издаваемого им же журнала «Москвитянин» за 1842 год.

Дело в том, что профессор истории Московского университета М.П. Погодин, путешествуя летом 1841 года по северу России, в августе приехал в Вологду. В один из тех дней историк был с визитом у профессора философии вологодской духовной семинарии П.И. Савваитова, о чем в дневнике оставил такую запись:

«Августа, 21... Был у г. Савваитова... Увидел микроскопические замочки с ключами сольвычегодского мастера Юницына, который продавал их сперва по гривеннику, потом по рублю и, наконец, по пяти рублей. Есть цепочка из них, где у каждого замочка свой ключик, не подходящий к другим. У мастера блоха привязана на цепь за ногу, однакожь не мешающую ей прыгать. Какова же должна быть тонкость железного волоска и способность русского человека, который все эти чудеса производит с помощью одного напилка. Поверить трудно».

В 1868 году «Вологодские епархиальные ведомости» перепечатали выдержки из дневника М.П. Погодина, дополнив рассказ историка своим примечанием о том, что за много лет до него о микроскопических замочках и других изделиях северных кудесников было напечатано в

книжке, выпущенной типографией Московского университета в 1814 году под названием «Записки, веденные по топо-графо-исторической части учителем Сольвычегодского уездного училища Протопоповым в первую и последнюю половину 1813 года».

А написано там вот что: «В двух верстах от Сольвычегодска один крестьянин довел себя в сем слесарном искусстве до значительной степени: работает замки, утюги и прочие железные вещи с искусством, мало уступающим тульским. Здешнего же уезда в Кивокурской волости расстоянием от города в 160 верстах работают замочки по 96 в золотник и более, и стенные часы также с хорошим искусством».

Как же малы были замочки, если в старинной русской мере - золотнике - чуть более четырех граммов веса! Нет ничего удивительного в том, что такие мастера могли и блоху подковать.

Заметим также, что по времени рассказанные истории совпадают с хронологическими рамками «Сказа». В одно и то же время жили мастера из «Сказа» и их прототипы, а в далеком Сольвычегодске Вологодской губернии хорошо знали о тульских умельцах. Не тогда ли и родилась та самая поговорка, вдохновившая писателя Лескова на создание своей легенды?

Да, «Сказ о тульском Левше и о стальной блохе» - это легенда. Только не пересказанная Лесковым, а им самим созданная. Тонким писательским чутьем или каким-то внутренним зрением увидел Николай Семенович Лесков, что прибаутка о тульских мастерах-кудесниках сложилась неспроста, что живут такие люди по всей русской земле. Вот и родился «Сказ» о русском характере, о доблести и бескорыстии русской души, о славе умельцев за рубежами России и их скромности.

А подлинное имя одного из чудесников того времени нам теперь известно: мастер Юницын - сольвычегодский Левша.

ТАЙНА СОБОРНОЙ ГОРЫ

В любом городе, малом или великом, есть место, которое знает любой житель, а при упоминании о нем в памяти непременно возникнет и сам образ города.

Таким именно местом для каждого вологжанина была и есть Соборная горка - часть крутого правого берега реки Вологды против Софийского собора, «от безымянного ручья, протекающего через архиерейский сад до так называемого Соборного моста через реку Вологду». Так обозначил горку вологодский историк прошлого века Н.И. Суворов. Мост, о котором он упоминает, существовал в прежнее время, и въезд на него был у теперешнего памятника поэту Константину Батюшкову, что стоит по другую сторону бывшего въезда на так называемой «известковой горе», возле бывшей когда-то церкви Николая Чудотворца, а в 1869 году переосвященной в храм Александра Невского «в память чудесного спасения жизни» российского императора Александра Второго от первого на него покушения в 1866 году.

Сама же Соборная гора получила свое название по храму Софии, начатому в 1568 году повелением Ивана Грозного и под его присмотром строящегося почти три года, до самого отъезда царя из Вологды. С тех пор для многих поколений вологжан Соборная горка стала вместе с храмом Софии символом Вологды и местом отдыха горожан. Любому гостю в старину показывали ее как достопримечательность губернского города. Здесь любил бывать во время своих прогулок живший неподалеку Константин Николаевич Батюшков.

А по воспоминаниям Варлама Шаламова, жившего в доме у храма Софии, в начале нынешнего века Соборная горка называлась еще и «шаламовской». И связано это было с его братом Сергеем, который являлся «главным организатором знаменитого в Вологде народного катания - ледяной горки с высокой Соборной горы, где сани взлетали на противо-

положный берег реки... Гору открывали к Рождеству для катания всего города, а таяла она в марте».

Но Соборная гора не всегда была только местом народных гуляний и увеселений с прекрасным видом на заречную часть города. В ее «биографии» есть очень интересная страница, связанная с одной местной легендой, начало которой положено еще в XVII веке. Вокруг этой легенды разгорелись споры в печати в начале прошлого века, приведшие к неоднократным археологическим раскопкам Соборной горы.

А началось все с того, что в одиннадцатом номере журнала «Северный вестник» за 1804 год появилась статья некоего Флёрова, который утверждал, что Соборная гора «не есть гора естественная, но каменное снаружи, округлое наподобие горы здание».

Автор пишет, что гору в середине XVIII века «разламывали» и нашли там сводистые пещеры с железными дверями и «такими крепкими, что не могли их разломать». За этими дверями «испытатели слышали шум и, приняв пещеры за «пещеры ада», прекратили раскопки. Еще, рассказывает автор, в горе у самой реки Вологды нашли будто бы «узкий проход с каменной лестницей, нисходящей к реке и простирающейся, по рассказам, до Прилуцкого монастыря».

Заканчивает свой рассказ Флёров так: «...говорят, что гора сия и проход сделаны для отвращения грабежа и убийств, разорывших Россию литовцев (поляков). Однако целость горы и внутренних ее укреплений подают повод догадаться, что литовцы не прощипали в оную и что нечто неизвестное скрывается в оной доселе и, вероятно, имение несчастных вологжан, погибших от литовцев».

В 1813 году журнал «Вестник Европы» перепечатал эту статью и вместе с нею поместил ответ на нее митрополита Киевского Евгения, бывшего вологодского епископа, который опровергает рассказ Флёрова.

Митрополит Евгений (Болховитинов) писал, что Соборная гора была раскопана еще в середине XVII века,

так как по архивным документам было известно, что в царствование Алексея Михайловича раскапывали погреб в горке и нашли в кладовых «несколько серебра». Но не ясно было происхождение здания, остатки которого находились в горе. Историк П.Б. Иноходцев сделал предположение, что Иван Грозный одновременно с Софийским собором начал строить для себя каменный дворец вместо деревянного. Но, пишет автор опровержения, деревянный дворец Ивана Грозного находился ниже по реке Вологде, у Покровской церкви, которая в старых документах называлась «что у государя на сеньях», и выдвигает свою догадку, что «дом сей должен был для архиерея к новостроящемуся собору...».

В 1823 году Соборную гору, представляющую собой пустырь, изрытый ямами, стали благоустраивать под сад. Но тайна горы все продолжала беспокоить умы историков и археологов. И вот летом 1866 года по инициативе археологического общества на Соборной горе начались новые раскопки. Руководил ими «штабс-капитан З.», как называют его «Вологодские епархиальные ведомости».

В течение двух недель десять рабочих рыли Соборную гору «в разных местах и направлениях». Особое внимание обращалось на ту часть горы, где она обрывалась к реке и где в двух сажнях от поверхности было обнаружено «устье кирпичной трубы, идущей горизонтально куда-то во внутренность горы к Софийскому собору». Труба была положена на деревянный настил и обернута берестой. Стали искать начало трубы, и в трех сажнях от берега вырыли яму. На глубине двух сажень обнаружили трубообразную пустоту, но она вела не к собору, а в другую сторону - к архиерейскому саду.

Больше в этой части Соборной горы не копали, а перешли на южную сторону, где еще в 1859 году при копке канавы видели две кирпичные «пещеры» со сводами и дверью. Но и здесь ничего не было найдено, кроме следов какого-то фундамента на дубовых

сваях. «Вообще, - сообщает газета, - скудость средств, которыми мог располагать при своих работах штаб-капитан З., не позволила произвести исследования в значительных размерах, а потому и результаты работ оказались неудовлетворительными».

И тайна Соборной горы осталась нераскрытой.

Так что же все-таки это за «пещеры» со сводами и железными дверями? Что это за кирпичное здание, построенное внутри горы, на одной стене которого самодетельные археологи прошлого увидели «четвероугольное по аршину в обе стороны окно с железною решеткою, на другой стене, обращенной ко внутренности горы, полукруглое углубление - как бы закладенную кирпичом дверь»?

Версий разгадки тайны Соборной горы предложено несколько. А что, если выдвинуть еще одну догадку?

Не связана ли сия тайна с пропавшей библиотекой Ивана Грозного, которую ищут почти триста лет? А вдруг она там, в Соборной горе, и спрятана?

Ничего фантастического, неправдоподобного в этом нет, если внимательно разобраться. Давайте попробуем...

...К нашим северным краям отношение Грозного было особое. Кирилло-Белозерский монастырь царь считал едва ли не родным: ведь именно после поездки сюда на богомолье у бездетного великого князя Василия III и его жены Елены Глинской (правда, спустя два года) родился он - Иван.

...К 1566 году кровавый террор опричников вызвал ненависть многих бояр и служилых людей. Русское государство разделилось на «земщину» и «опричнину». Граница раздела проходила, можно сказать, по самому Кремлю. Дело дошло до того, что царь не жил в своих кремлевских покоях, а выстроил дворец на крутом берегу Неглинной. Опричной же столицей была подмосковная Александровская слобода. Но и тут Грозный не чувствовал себя в безопасности, боясь за личную жизнь и судьбу своих близких. Вот поэтому он и решает перенести

столицу опричнины в северный город Вологду. Именно центром опричнины предстояло быть Вологде, а не стольным градом всея Руси, как считают многие до сего времени.

Еще до отъезда на север царь имел беседу с английским послом Дженкинсоном, которому высказал свою тайную мысль о возможности его побега в Англию и просил у королевы через ее посла убежища для всей царской семьи.

Вот как об этом писал в середине семнадцатого века французский врач и путешественник Пьер-Мартин де Ламартиньер в своей книге «Путешествие в северные страны»: «Царь питал уважение и такое особенное расположение к королеве Елизавете, что не упустил ни одного случая засвидетельствовать ей это. Полагают, что он даже хотел на ней жениться, и что когда он приказал укрепить Вологду и свез туда свои сокровища, у него было намерение - искать убежища в Англии, если бы обстоятельства довели его до последней крайности».

Заметим также, что путь в «туманный Альбион» из Москвы проходил через Вологду. Именно по нему ходил вологодский купец Осип Непея - первый русский посол в Англию - еще десять лет назад, в 1556 году посланный Иваном Грозным к владевшей тогда английским тронном королеве Марии Тюдор для завязи торговых отношений. Правда, если не считать поездки русских послов Василия III, в 1524 году побывавших в Англии. Но они были там проездом, направляясь в Испанию, к императору Священной Римской империи Карлу V.

Историки отмечают еще одно загадочное событие тех времен: в Вологде Иван Грозный построил несколько морских судов.

«Тысячи вологжан любовались большими кораблями, красовавшимися на реке против города, - замечает в своей книге «Земной круг» известный русский историк, писатель и исследователь Сергей Николаевич Марков. - Изображения единорогов, слонов, драконов и львов, сверкала золотом и серебром, украшали эти до-

толе невиданные отечественные морские корабли».

Для чего же строил Иван Грозный морские суда в Вологде? Ясно, что для плавания по морю. Но вот куда? Точного ответа на этот вопрос нет и сегодня.

Некоторые историки считают, что на этих морских судах царь намеревался плыть в Англию. С.Н. Марков полагает, что корабли были предназначены для плавания на восток, для отыскания морского пути в Китай, ибо «в царствование Ивана Грозного русские открыватели проникали на рубеж Ледовитого и Тёплого морей и достигали не только Чукотки и Камчатки, но даже берегов Северной Америки».

Как бы там ни было, а почти три года жил Иван Грозный в Вологде, лично руководя строительством крепости и собора, который воздвигался по образцу главного великокняжеского храма Московского Кремля - Святого Успенья. Так он поначалу и назывался, до тех пор, пока уже после смерти царя Ивана в 1588 году не был освящен и наречен Софийским - во имя святой Софии.

Не в ту ли пору рядом с храмом приказал Иван Грозный построить подземное здание для хранения священных в Вологду сокровищ и в их числе, возможно, библиотеки, которые хранил в двухстах тридцати одном сундуке и коробе? Так могло быть.

Не доведя до конца строительство собора, Грозный внезапно покидает Вологду в 1570 году. Народная молва объясняет отъезд царя тем, что в новостроящемся храме ему на голову упала «плинфа красная». Это якобы разгневало царя, и он уехал в Москву. На самом же деле Иван Грозный отбыл из Вологды, когда получил тайное известие о новом боярском заговоре в столице, нити которого вели в Польшу. Получив донесение о поимке королевского лазутчика, Иван Грозный и выехал срочно в Москву.

Взял ли с собой Иван Васильевич привезенные в Вологду сокровища? Без сомнения, какие-то увез. Ибо, по свидетельству близкого к царскому

двору английского посла Джерома Горсея, Грозный незадолго до смерти показывал ему в отдельной комнате кремлевских покоев свою знаменитую коллекцию драгоценных камней, рассказывая об их чудодейственной силе.

Среди сокровищ царя в Вологде могла быть и легендарная библиотека («Либерия») его отца Василия III, доставшаяся тому в свою очередь от своего родителя Ивана Васильевича Третьего, женатого вторым браком на племяннице последнего византийского императора Софии (Зое) Палеолог. По преданию, она привезла с собой в Москву часть императорской библиотеки, спасенную от турок ее отцом и вывезенную в Рим, где после завоевания Византии турецкими войсками и падения Константинополя жила царица.

Приглашенный из Греции Василием III для описания библиотеки ученый-монах Максим Грек был поражен богатством книг царской «Либерии», многие из которых видел впервые. В «Сказании о Максиме философе» говорится, что когда Василий III показал ему библиотеку, то «инок во много размышленном удивлении бысть о толиком множестве бесчисленного трудолюбивого собрания и с клятвою изрече перед благочестивым государем, яко ни в Грецах такое множество книг сподобихся видети».

Иван Грозный тоже гордился этим своим сокровищем и редко кому показывал библиотеку. А после его смерти она исчезла, и никто не знает, что с ней случилось и где она.

Легендарную «Либерию» ищут уже не одну сотню лет. Следы ее искали в богатых собраниях древних книг: синодальных библиотеках и государственных архивах России, но без результата. Искали библиотеку в подземельях Московского кремля, в его тайных подвалах и переходах, в подмосковных монастырях и бывшей Александровской слободе, но библиотека не найдена до сего дня.

Говорят, что поиски библиотеки приводили ученых в Вологду и Кирилло-Белозерский монастырь. И вполне обоснованно. Ведь Иван Грозный по-

чти до конца своей жизни не оставил мысли об отъезде в Англию. Об этом говорит хотя бы то, что он в 1581 году, будучи женат в седьмой раз на Марии Нагой, просил у королевы через своего посла руки ее племянницы Мэри Гастингс. Но отъехать в Англию означало вновь прибыть в Вологду, где остался незавершенным храм и построено из камня подземное тайное здание.

Так не хранилась ли в нем знаменитая библиотека - одно из главных сокровищ царя? Не осталась ли она в подземелье, скрытом в Соборной горе, дожидаясь своего часа, да так и не дождавшись его? Долго ли Соборная гора в Вологде будет хранить свою тайну? Ведь современные приборы позволяют «видеть» сквозь многометровые земные толщи. В наши дни с помощью таких приборов «заглядывают» внутрь фараоновых пирамид. Так почему бы и нам не «заглянуть» внутрь Соборной горы?

Будем надеяться, что когда-то такое случится, и тайна Соборной горы в Вологде станет известна.

СЛАВА ТЕБЕ, РУСЬ!

Дон-река несет свои воды в Азовское море, Днепр - в Черное, Волга питает Каспий, а Западная Двина течет в Балтику. Но все эти реки берут начало на российской земле, в самом сердце Руси. Все они питаются от ее светлых родников.

Не надо кричать о любви к России и ко всему русскому. Во всяком таком крике есть что-то фальшивое, ряженое. Русь, Россию надо просто любить. Как любят родную мать, но никогда громко не говорят об этом.

Есть, существует и действует украинский национальный театр, есть грузинский, узбекский, удмуртский, кумыкский, эстонский и многие другие. А куда делся наш русский национальный театр? Есть ли сейчас в России современная русская национальная опера, балет, драматургия, телевидение? Существует ли вообще сейчас русское национальное искусство?

Каких только драм и трагедий не пришлось перенести России за долгие века своей истории! Тем более удивительна одна черта русского характера: смеяться над самим собой при любых жизненных обстоятельствах и в любой темноте видеть свет впереди, как усталый путник в ночной тьме видит свет в окошке и идет на этот огонек.

Как часто бывает коротка человеческая память. Даже на былые трагедии с высоты прожитых лет люди глядят без особого волнения. Конечно, это касается поколений, идущих за теми, кто пережил, например, войну, голод, разруху.

Не случится ли так через много лет с воспоминаниями о последней Отечественной войне, и она не будет восприниматься с болью, как не воспринимается сейчас Отечественная война 1812 года со всеми ее трагедиями и ужасами, которые сопровождают всякую войну, а подлец и преступник Наполеон, виновный в бессмысленной гибели сотен тысяч людей разных народов, возносится до высот чуть ли не великой личности?

Случайно раскрыл музыкальный энциклопедический словарь издания пятьдесят девятого года на слове «гимн» и сделал для себя открытие.

Государственный Гимн - торжественная песнь Советского Союза - впервые прозвучал первого января сорок четвертого года. Тогда же, в сороковые годы, были созданы гимны всех союзных республик: Армении, Азербайджана, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Киргизии, Латвии, Молдавии, Таджикистана, Литвы, Туркмении, Узбекистана, Украины, Эстонии.

Не было в этом перечне только российского гимна.

Как же такое могло случиться? Кто лишил Россию ее торжественной песни?

Никогда не скудела талантами земля Русская. Почитайте «Слово Даниила Заточника», написанное им своему князю Ярославу восемьсот лет назад. Оно написано настоящим писателем.

Как образна его речь! Сколько в ней пословиц, поговорок, мыслей! Сколько народной мудрости! Что ни строчка, то золотинка, что ни страница, то россыпь слов и выражений древнерусской речи!

Но более всего поразительна современность «Слова». Да, так написать мог только большой русский писатель! Он им и был - Даниил Заточник, этот «разумом обилён», широко и глубоко образованный человек. Знавший, как и поле вспахать, и как полки уставить на поле битвы, хорошо знакомый с литературой своего времени и книгами древних авторов.

Даниил Заточник, как писал о нем В. Белинский, был «...из тех личностей, которые, на беду себе, слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают и, не умея прятать от людей свое превосходство, оскорбляют самолюбивую посредственность; ...словом, одна из тех личностей, которых люди сперва хвалят и холят, потом сживают ее со свету и, наконец, уморивши, снова начинают хвалить». Разве не современно?

Со времени первого издания в 1800 году «Слова о полку Игореве» об этом гениальном произведении древнерусской литературы написаны тысячи исследований, статей, диссертаций и прочих научных трудов. Сделаны десятки переводов «Слова» - и поэтических, и прозаических, написаны целые книги и монографии. И поток этот в наше время все еще не ослабевает.

На все лады разбирается чуть ли не каждое предложение «Слова». Занимаются этим и ученые мужи, и самодеятельные дилетанты. Все кому не лень упражняются на «Слове» в своем красноречии и многомудрии, примеряют его на себе, как одежду. Договорились уже до того, что стали сомневаться в подлинности «Слова», а вра-

ги всего русского утверждать, что происхождение «Слова» и вовсе иноземное.

Так не пора ли остановиться, братцы? Не пора ли оставить в покое нашу национальную святыню? А всякое дальнейшее «препарирование» «Слова» считать издевательством над ним.

Ведь никому сейчас не приходит в голову с научными целями разобрать по кирпичику церковь Покрова-на-Нерли или храм Василия Блаженного. Но не будем забывать, что и это в голову кое-кому уже приходило!

Одна из удивительных граней характера русских людей - их неистребимая наивность, доверчивость, вера в то, что и все другие исповедуют те же добродетели.

Это проявилось в том, например, что когда русские промышленные люди пришли в конце восемнадцатого века на Аляску, то стали в первую очередь обучать местных жителей грамоте и разным ремеслам, чем отличались от испанцев и англичан, тех индейцев уничтожающих. А русские православные люди индейских детей отправляли учиться в Иркутск, Петербург, Кронштадт. Мечтали даже построить на матером американском берегу большой город Славороссия с проспектами и дворцами, как и в стольном Петербурге. Да чтобы жили в том городе тамошние индейцы.

Трудно сказать сейчас, чем бы все это дело обернулось. Скорее всего, тем же, что и в самой России...

Ведь многие народы Кавказа, Средней Азии и других окраин Россия в свое время взяла под свое материнское крыло, спасая их от вымирания и уничтожения агрессивными соседями. Научила их грамоте, построила города, заводы, институты и университеты. Научила хозяйствовать и государствовать и никогда не была тюрьмой народов, как говорили и говорят ее недруги до сего дня.

А неблагоприятные приемные сыновья и потомки их, получив от России все необходимое для жизни, от-

вернулись от нее, забыв обо всем, что она для них сделала, вытащив порой из первобытного невежества и грязи, поставив рядом с собой и приобщив к своей цивилизации и культуре.

Ученый Ю. Афанасьев в «Литературной газете» от 15 ноября 1993 года написал следующее: «Я считаю, что до тех пор, пока, например, не будут в России стоять памятники немецким солдатам, погибшим здесь во время войны и у них не будут лежать цветы, мы не излечимся как нация».

По-моему, так может говорить только человек без роду и племени или ярый русофоб, коим и является, очевидно, Афанасьев. Ему подобные говорят еще, что если бы победили немцы, то в России пили бы баварское пиво. А кто бы пил? Конечно, немцы!

К счастью, так думают только отдельные русоненавистники, да и то с уродливым сознанием, но никак не народ наш.

Ведь для нас, русских, и всех народов России последняя война была не просто второй мировой, а Великой Отечественной. Немцы же и иже с ними для нас - захватчики. Их никто к нам в Россию не звал. Как не звали наши предки в пределы Руси половцев, татар, поляков, французов, шведов и прочих «захватчиков подлых».

Так что же, теперь на русской земле мы должны ставить памятники варварам Батыя, Мамаю и Тохтамышу, солдатам Стефана Батория, Карла Двенадцатого и Наполеона, а на Дальнем Востоке японским самураям?

Осиновый кол им в назидание потомкам, а не памятник! Нация наша не больна! Лечиться же надо господам «ученым» Афанасьевым и всем им подобным.

Русская семья веками держалась на власти отца и добром, нравствен-

ном образе жизни матери. Потому и была крепка.

Отечество наше - семья с тысячелетней историей, в которой государь был строгим, но справедливым и заботливым отцом.

Вот почему президентство как форма правления чуждо России. Ей нужен не президент, а государь. Ибо только государь может быть отцом нации. Президент же - приходящий папа.

Государь - это стабильность в стране при многообразии общественных мнений. При нем отпадает необходимость будоражить народ бесконечными выборами и возбуждать в обществе предвыборные и пагубные для душ человеческих страсти.

Светлое будущее России - Православная Монархия. Государственное устройство, в коем жила Святая Русь целое тысячелетие.

На пороге XXI века очень много было размышлений о русской национальной идее и поисках ее.

А чего ее искать, ежели идея эта давно известна и заложена в Русском Православии.

Посмотрите на «Троицу» Андрея Рублева, древнерусского изографа-живописца, писавшего эту икону в 1427 году, где изображено явление трех ангелов простому кочевнику Аврааму.

Этот образ «Ветхозаветной Троицы» перешел в древнерусское искусство иконописи от Византии. Он и написан по византийскому канону.

На иконе левый ангел символизирует Бога Отца, благословляющего трапезу и жертвенную чашу. Средний ангел символизирует Иисуса Христа, жестом десницы отвечающего Отцу согласием. Правый ангел - Дух Святой. И мы не видим, а скорее угадываем, что все они находятся в незримом круге - символе жизни.

Над левым ангелом художник изобразил дом как символ «божественного домостроительства» - Вселенной, а отсюда и всечеловечнос-

ти русского национального характера.

Над средним ангелом - дерево как «древо Креста», а над правым ангелом изображена гора как символ всего возвышенного в душе человеческой, а стало быть, и в русской душе.

Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой и есть Троица - Бог, единый в трех ипостасях. В этом-то триединстве и состоит суть русской идеи.

А известный государственный деятель России Сергей Семенович Уваров еще в девятнадцатом веке изложил ее так: «Православие, самодержавие, народность».

Да и государственное трехцветное знамя России (не нынешнее торговое и перевернутое голландское, а именно русское) тоже символизировало русскую национальную идею. Полотнище флага было трехполосным - бело-желто-черным. Белая полоса означала чистый свет Православной веры, желтая или золотая полоса - символизировала самодержавную власть, черная же - отчужденную землю, на которой мы живем и которая нас кормит.

Указом императора Александра Второго от 1 января 1865 года цвета белый, оранжевый (золотой) и черный объявлялись государственными цветами России.

Так что русская идея давно обозначена и сформулирована. Осталось только ее осуществить.

Откройте Евангелие от Иоанна и там в пятнадцатой главе прочтете такие строки:

«Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». Слова эти из «Заповедей о любви».

«За други своя», «Сам погибай, а товарища выручай», - так согласно

заповеди Христовой говорили и поступали издревле на Святой Руси.

«Каждый выживает в одиночку», «Это его проблемы», - так всегда говорили и поступали на Западе. По таким либеральным правилам и сейчас живут люди в Европе и Америке.

«Последний герой» у них часто становится тот, кто построил свое счастье на несчастье других. Для нас же такой человек - последний негодяй.

Свои правила и законы человеческого общежития западники вдалбливают сегодня в головы народов России. Устоим ли? Надо устоять!

Историки давным-давно подсчитали число пережитых Россией войн. Цифры эти впечатляют. Так, с 1228 года по 1462-й (по В.О. Ключевскому - Ф. Нестеров. «Связь времен») на Руси было 160 войн. В XVI веке Русь воевала 43 года, в XVII - 48 лет, в XVIII - 56, в XIX веке тоже не один десяток лет и, наконец, войны прошлого двадцатого столетия.

Набеги полоцких и татарских орд, походы отрядов ливонских рыцарей и Речи Посполитой, войск шведов, немцев, поляков, венгров, румын, французов, англичан, турок, японцев, американцев, итальянцев, испанцев и многих иных... С кем только не приходилось воевать россиянам, защищая Матушку-Русь! И удивления достойно то, как мы вообще смогли после всего этого выжить! Ведь каждая война убивала самый цвет нации: юношей и молодых мужчин.

Но еще более достойна восхищения и уважения русская нация за то, что, пройдя через такие страшные испытания, она не только выстояла, но сумела не ожесточиться и сохранить в себе мирное начало - основную черту русского характера.

Слава тебе, Русь моя! Живи вечно!